

Руслан

Селяшкин

САМОБЫТНЫЙ И ВСЕОХВАТНЫЙ

К 90-летию народного артиста КазССР Бакира Баяхунова

Наверное, когда-то давно, более семи десятилетий назад, этот обычный алма-тинский мальчишка, сын врача-ветеринара, после окончания общеобразовательной школы поступивший в Ленинградский горный институт, был отмечен самим провидением, наградившим его не просто прекрасным музыкальным слухом, повышенной восприимчивостью ко всему прекрасному, безупречным чутьем, но и удивительным даром музыкального письма. Письма самобытного, индивидуального, органичного, полифоничного, наполненного потрясающей энергетикой и рожденного, конечно же, на почве дунганских одноголосных народных мелодий и обогащенного лучшими мировыми музыкальными направлениями и практиками. Письма, впервые профессионально высветившего музыкальную культуру дунганского народа, о которой доселе было мало что известно. И, что самое важное, провидение наградит заслуженного деятеля искусств и народного артиста Казахской ССР Бакира Баяхунова, встретившего 15 сентября 2023 года свое 90-летие, чрезвычайной работоспособностью, трудолюбием, большой, красивой творческой жизнью, любовью к музыке и к профессии композитора, а также и не меньшей любовью к своей родине – Казахстану, на земле которого в полной мере и раскрылся весь его огромный творческий потенциал, позволивший ему стать одним из самых крупных казахстанских композиторов, получивших к тому же и мировое признание.

Композиторское призвание, а именно так следует воспринимать это естественное состояние, наполняющее человека, все его существо, разум, душу, рождающее стремления и определенные цели, к Бакиру, к счастью, пришло достаточно рано.

«С детства я играл на различных музыкальных инструментах, пел в хоре, – вспоминал композитор в интервью, данном им в дни 80-летнего юбилея. – Иногда даже пытался что-то сочинять, садился, наброски какие-то делал... Нотную грамоту, кстати, пробовал изучать сам. В нашем доме всегда звучала музыка самых разных народов, поэтому мой музыкальный мир изначально интернационален.

В 1954 году у меня случилась судьбоносная встреча – я познакомился с композитором Евгением Брусиловским. Благодаря его содействию меня приняли в консерваторию без предварительного музыкального образования. Брусиловскому было интересно взрастить дунганского композитора. С его подачи меня взял к себе в класс основоположник профессиональной уйгурской музыки Куддус Кужамьяров».

Кстати, в этом незамысловатом, но определенно положительном факте из биографии композитора прослеживается то обстоятельство, не отметить которое никак нельзя. Баяхунов, как дитя своего времени, стал свидетелем и участником того уникального переплетения национальных культур, которое жило в казахском обществе того времени. Судите сами. Замечает его русский Е. Брусиловский, а наставником в консерватории выступает уйгур К. Кужамьяров, одним из самых талантливых учеников которого он и становится. А затем будет трехгодичная стажировка

ровка в Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского, где занятия по классу композиции он, представитель многонациональной республики, станет проходить у профессора Михаила Чулаки, известного русского композитора и педагога, хотя и с фамилией, имеющей явно не славянские корни. И такое межнациональное сплетение судеб, где также были представители других народов, в собственной судьбе Баяхунова сыграет, разумеется, одну из определяющих ролей.

Своеобразие таланта Баяхунова позволило ему стать тем по-настоящему большим национальным художником, который стремился прежде всего освоить традиционную музыку Востока в различных жанровых проявлениях, наполняя её тем самым, новым содержанием. И широту накопленного в данном направлении

опыта он с годами обогатит необыкновенными, красочными мелодиями, напитанными фольклором, мелодикой, поэтикой, ритмами, обширным содержанием, позволившим ему стать тем самобытным мастером, который сумеет бодро идти в ногу со временем. Потому-то и не перестает Баяхунов удивлять профессиональных музыкантов и слушателей своими новаторскими начинаниями и профессиональными подходами, давшими ему возможность писать симфонические творения, отличающиеся композиционно, жанрово, тематически, структурно.

«Мне очень дороги Вторая симфония, Вторая соната для фортепиано, поэма для скрипки “Любимый Маву”, Концерт для фортепиано с оркестром, вокальный цикл “Песни о старом Китае” на слова дунгаского поэта Я. Шиваза, – делится композитор. – Со студенческих лет мне близка казахская музыка. Мое первое симфоническое сочинение “Кюй”, созданное на основе домбровой музыки, часто исполнялось, звучало по радио. Я люблю и кобызовые кюи. Они разрабатывались мной в Четвертой и Седьмой симфониях».

Быть национальным композитором, посвятив свое творчество дунганскому народу, а если шире, то и казахскому, и другим народам, истари населяющим Казахстан, естественно, непросто. И уже хотя бы потому, что следовало выбрать ту близкую по интересам и духу тематику, те жанровые формы, которые смогли бы донести композиторскую мысль до слушателя. Баяхунов такие темы нашел. Собственно, начиная с первого крупного произведения – Концерта для скрипки с оркестром, одновременно явившегося и его дипломной работой, стало очевидно, – у этого молодого композитора есть музыкальный почерк, есть и свое восприятие,

свой внутренний самобытный мир, над которым предстояло работать. Работать упорно, настойчиво, расширяя кругозор, представления о творчестве и обогащая их новыми композиционными и стилистическими приемами, наполненными живым восприятием окружающего мира со всеми красками, оттенками и впечатлениями.

Но как бы ни был богат и неповторим музыкальный мир Баяхунова, разговор о котором впереди, он все же, в первую голову, выдающийся дунганский художник и первый профессиональный композитор своего народа. Народа, о котором в европейской части некогда большой страны узнавали в том числе и благодаря творчеству композитора. В советские годы, чего греха таить, национальные культуры старались поддерживать, может быть, не всегда удачно, с определенными перегибами, изъятиями, недостатками, но все же поддерживать, пропагандируя их культуру и искусство. Так было и у Баяхунова, окончившего Московскую консерваторию, где он занимался у лучших педагогов, будучи к тому времени и членом Союза композиторов, как известно, имевшего в советское время огромные возможности и влияние. И эти возможности, существенно подкреплявшие преимущества композиторов для творчества, распространились не только лишь на признанных и обласканных всеобщим вниманием корифеев, доставались они и тем, кто представлял так называемые малые народы, жившие своей обособленной, но полноценной жизнью в национальных республиках.

Более шести десятилетий назад, в мае 1962 года, о Баяхунове узнала советская музыкальная общественность. Тогда во всесоюзном профессиональном журнале Союза композиторов «Советская музыка» о нем вышла статья «Устремленный вперед» (в рубрике «Творчество молодых»), написанная его педагогом Н. Тифтикиди.

«Мне сразу же понравился его открытый и добрый взгляд, приветливая улыбка, необыкновенная скромность, – писал Николай Фомич. – А позже оценил я и другое – пылливость ума, верность данному слову, огромную трудоспособность и серьезное отношение к своему делу. <...>

И вот 26 февраля 1962 г. мы встретились с ним в Центральном доме композиторов, где состоялся творческий отчет молодого автора. Тогда-то и прозвучал впервые вокальный цикл Б. Баяхунова на слова поэтов Азии. Современная тема, впервые затронутая в романсе «Брату-рикше», здесь господствует безраздельно. И это естественно: ведь именно на пути к большой современной теме молодого художника чаще всего могут ожидать творческие находки. <...> Будущее искусства принадлежит тем, кто не покладая рук стремится расширить свои знания, идти в ногу с жизнью, чье горячее сердце бьется в унисон с учащенным пульсом народа, строящего новую жизнь. Именно таким устремленным вперед человеком представляется мне молодой дунганин Бакир Баяхунов».

Эта статья авторитетного педагога, будущего профессора, представителя греческой диаспоры Казахстана в то давнее время всесторонне представила музыкальной общественности двадцативосьмилетнего композитора. К своему же девяностолетнему юбилею Бакир Яхиянович подошел не просто с внушительным списком многожанровых и разностильных сочинений, где присутствуют оперы, сочинения для оркестра, для одного инструмента и оркестра, для камерного оркестра, для камерного ансамбля, для фортепиано в две и четыре руки, для органа, для инструмента без сопровождения, для голоса и фортепиано, для хора без сопровождения и многое другое, а и со своим глубинным, основанным на национальных корнях пониманием того высокого предназначения, которое он на протяжении многих десятилетий реализовывал в искусстве. Разумеется, это понимание пришло не сразу, прежде следовало основательно потрудиться, многое понять, сопоставить, обобщить, выделить главное. Но в том-то и ценность композиторского творчества,

что оно требует от взявшегося за сей нелегкий труд скрупулезного, детального, сугубо индивидуального письма, отображающего ход и широту мысли автора. А уж будет ли она воспринята слушателем, зависит, опять же, всецело от него самого.

Бакира Баяхунова слушатель и воспринял, и всецело разделил вместе с ним его видение мира и тех тем, мотивов, взглядов, которые были близки дунганскому творцу по духу. При том следует подчеркнуть, что музыкальное творчество композитора никогда не претендовало на всеобщую доступность и массовость. Все же Баяхунов писал несколько другие произведения, камерные в своей основе, рассчитанные на слушателя, имеющего представления о музыке симфонической, как известно, более вдумчивой, сосредоточенной, менее напевно-массовой, отвергающей всеобщий обхват и призывный характер.

Вообще же многоплановость музыки Баяхунова действительно впечатляет. И тут мы вправе говорить как о его более ранних произведениях, таких, к примеру, как масштабная, написанная в подражание стилю дунганской музыки «Поэма памяти Масанчи» для большого симфонического оркестра, так и о симфониях, получивших всеобщее признание.

«Поэма памяти Масанчи», посвященная легендарному командиру кавалерийского полка дунган, сражавшегося за установление Советской власти в Средней Азии и Казахстане, поражала своей эпичностью. В ней звучали марши, разворачивались батальные сцены, героические мотивы сменялись тяжелыми эпизодами скорби и траура по погибшим героям. И при этом однозначно чувствовалось, что произведение это написано в восточных красках. Национальный колорит его просматривался с первых минут звучания и вплоть до надгробного плача, воспринимавшегося наиболее эмоционально, но без излишней надрывности, позволявшей услышать и некий тонко выраженный оптимистический настрой.

Мастерство Баяхунова, умело соединившего воедино немалое количество композиционных направлений и оттенков, эпизодов и сцен, тут не вызывает сомнений. Но интересно и другое. Композитор никогда не переставал экспериментировать, и переход из одной жанровой колеи в другую для него не воспринимался чем-то трудно осуществимым. Так произошло и тогда, когда после успеха «Поэмы памяти Масанчи» он фактически перейдет к работе над казахским материалом.

«В 60–70-е годы в моих произведениях преобладала казахская тематика – вспоминал Бакир Яхиянович. – Среди них Концертная пьеса “Ыскарма” для флейты-пикколо и камерного оркестра, Три пьесы и Концерт для камерного оркестра, “Кюй” для симфонического оркестра. Были работы, в которых широко использовалась полифония, порой не без влияния современной музыки. К ним относятся “Прелюдия, хорал и fuga” для квинтета духовых, “Октет” для медных духовых, Прелюдия и fuga для фортепиано (в 2012 г. написана вторая редакция). Более поздние изыскания в области полифонии можно обнаружить в органной сонате “Казахская бахиана”».

Композитор не случайно вспоминает эти сочинения. И переход его к казахской многогранной и непростой теме, думается, был не только легко объясним, но и, по большому счету, закономерен. Крупный художник, согласитесь, не может творить вне той среды, в которой он живет, впитывая все ее животворные и целебные соки, словно незримые импульсы, обильно питающие разум и душу. И это не просто слова, воздающие Баяхунову дань признательности. Нет, это искреннее понимание его художнической сути, несколько приоткрытой им самим в собственных воспоминаниях и интервью. Но, убежден, такой тонкий и глубокий, со своим давно сложившимся мировоззрением и миропониманием человек, как Бакир Яхиянович, сознательно не мог о себе и своем творчестве сказать буквально все. Слишком уж оно велико, да и скромность элементарная никогда не позволяла ему себя как-либо выпячивать и

чрезмерно возносить. Да и к чему все это было делать, если признание, причем всецело заслуженное, пришло и так в назначенный свыше час как награда за огромный труд, удивительный талант, высокий патриотизм, гражданскую позицию, никогда не позволявшую ставить себя выше государства, народа и их интересов?!

Нельзя не сказать и о том, что в своих воспоминаниях композитор, с высоты прожитых, насыщенных многими событиями лет, как опытный педагог, профессор и неравнодушный гражданин Казахстана высказывает и такие, чрезвычайно показательные, во многом его лично характеризующие слова:

«Будущее музыкального творчества в Казахстане видится не столько в соответствии мировым стандартам, сколько в сохранении и развитии своей самобытности, корни которой в национальном наследии. От обработок казахских песен в 20–30-х годах минувшего века до современной многожанровой музыки пройден громадный путь. И большая часть его в советском прошлом с его щедрым финансированием творчества и идеологизацией культуры. Но именно этот период сформировал композиторскую школу Казахстана, принес ей истинно художественные достижения и мировое признание.

Одна из примет советского прошлого – многонациональное содружество творцов музыки – осталась незыблемой. Мне выпала честь стать первым профессиональным дунганским композитором. Но это не означало строгой этнической “прописки”. Я работал с разнонациональным материалом, приобщался к общемировым ценностям. Поэтому мои дунганские сочинения не обошло влияние других культур. Я открыл для себя полезность сочетания восточных музыкальных языков...

Осенью 2011 г. впервые удалось побывать на исторической родине – в Китае, в тех провинциях, где жили предки казахстанских дунган. Новые впечатления найдут музыкальное воплощение. Это произойдет, когда они прочно войдут в мое мироощущение. Оно, как я понимаю, соткано из множества нитей, ведущих к различным сферам быстротекущей жизни. И если какая-либо часть созданного мною отвечает вызовам времени, то я вправе считать свою миссию композитора оправданной».

В том, что миссия Баяхунова «оправданна», сомневаться не стоит. Его творчество уникально именно в той взаимосвязи, в той надежной системе координат, в которой он творил и продолжает творить сегодня. И оси этой системы общеизвестны, они вращаются вокруг дунганской, казахской и отчасти китайской музыки, влияние которой, как носительницы культуры «прародины» дунган, наблюдалось в той же Второй симфонии, одном из крупнейших, общеизвестных и знаковых сочинений композитора, убедительно подтверждавших в свое время профессиональную зрелость автора.

Бесспорно, коль уж речь зашла о симфониях Баяхунова, то следует сказать и о том, что все они поражают своими красотами, яркостью, монолитностью, разнообразием приемов и форм, философичностью. Своеобразие их, навеянное народными мотивами, действительно впечатляет. Тематика их тоже выпукла и представляет несомненный интерес, так как сочетает в себе старину и современность, мифологические и философские темы. Потому-то их так внимательно и воспринимали в музыкальном сообществе, особенно Вторую, Пятую «Аура Востока», Седьмую «Коркыт», подвергая каждую подробному разбору, тем самым подтверждая факт высочайшего профессионализма и поразительную музыкальность самого Бакира Яхияновича.

Всё, что вышло из-под пера Баяхунова, будь то его известные «Кюй», «Дунганский марш», симфонические поэмы, концерты для скрипки с оркестром и домбры с оркестром, поэма для кыл-кобыза и струнного оркестра, камерно-инструментальные произведения, соната «Казахская бахиана», поэма «Любимый Маву» для скрипки соло, вокальные циклы на слова Я. Шиваза, О. Хайяма и поэтов Азии, музыка к кинофильмам «Дождь» и «Мальчик-одуванчик», оперы «На сайте Mail.Ru» и «В тот

день осенний», – по-своему значимо и любопытно. И о каждом творении композитора есть что сказать, причем как с профессиональной точки зрения, так и сугубо на простом, общедоступном языке, передав его путем личные впечатления и эмоции, вызванные от прослушивания того или иного сочинения. Заслуживают внимания и те оценки, которые своим произведениям давал сам автор. Но главное, тем не менее, видится в другом – музыкальные сочинения композитора должны звучать, их следует пропагандировать, и к ним необходимо приобщать молодежь, а не только тех, кто решил связать свою жизнь с музыкой основательно, сделав ее своей профессией. И в этом, безусловно, должны быть заинтересованы те официальные институты, которые призваны реализовывать культурную политику государства.

Долгие годы Бакир Яхиянович успешно занимается педагогической деятельностью. Профессор Алма-Атинской консерватории, он много времени и сил отдает подготовке талантливой молодежи, повторяя таким образом путь своих славных учителей, когда-то заметивших и его, будущего первого дунганского композитора...

Композитор никогда не замыкался в себе. Он жил и живет активной жизнью. В былые годы немало времени он отдавал и общественной работе, участию в деятельности республиканского композиторского объединения, в котором он избирался заместителем председателя правления. Увы, в нынешние годы рассуждения Бакира Яхияновича на сей счет не внушают должного оптимизма:

«Огорчает кадровое оскудение в Союзе композиторов. Несколько крепких профессионалов оказались за рубежом. Молодые авторы не стремятся пополнить ряды Союза. С 90-х годов минувшего века длится спад творчества наших авторов. В Алматы ничего не осталось от прежнего Союза композиторов. Здание сдано в аренду, вывезены в Астану архив, библиотека, фонотека, рояли проданы. А ведь в южной столице проживает большинство композиторов и музыковедов. Такая творческая организация нужна лишь ее честолюбивому руководству.

Удручает и нынешняя практика проведения творческих конкурсов. Когда-то существовало профессиональное жюри, сейчас бал правят какие-то ТОО. На конкурс к 20-летию независимости РК я подал симфонию “Коркыт”, но оркестровые сочинения даже не рассматривались организаторами мероприятия. В бывшем СССР таких фокусов не было...»

И как бы там ни было, а Бакир Яхиянович остается оптимистом. Он верит в Казахстан и его многонациональную культуру. Он верит в то, что музыкальное искусство в государстве будет обязательно развиваться, и подрастет достойная смена, которой предстоит продолжать то большое и благородное дело, которому посвятил свою жизнь и он – казахстанский дунганин, композитор, гражданин, благодаря которому о культуре дунган узнали на просторах тогда самой большой в мире страны, а также и за ее пределами.

Творчество Б. Баяхунова давно стало культурным достоянием всего Казахстана. Ему также суждено было встать и в один почетный ряд с самыми выдающимися казахстанскими композиторами прошлого столетия – Газизой Жубановой, Еркегали Рахмадиевым, Куддусом Кужамьяровым... И в этом ряду гениев он выглядит, как и подобает таким выдающимся людям, – достойно, скромно, но и величественно, словно перед нами во весь рост встает былинный герой, олицетворяющий всё самое лучшее, что может рождаться в недрах народных... Пускай же звезда крупнейшего казахстанского композитора современности горит долго-долго, а вместе с тем всегда звучит и его неповторимая музыка, в которой отчетливо слышится многоцветный голос всего вечно молодого Казахстана – чарующей и прекрасной земли...

